

Мольер

МЕЩАНИН
ВО ДВОРЯНСТВЕ
♦
КОМЕДИИ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
М 76

Molière
LE BOURGEOIS GENTILHOMME

Перевод с французского
Петра Гнедича, Владимира Лихачева, Виктора Острогорского,
Татьяны Щепкиной-Куперник

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрации Григория Филипповского

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-24815-1

© Т. Л. Щепкина-Куперник (наследники),
перевод, 2024
© Г. Г. Филипповский (наследник),
иллюстрации, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ТАРТЮФ,
ИЛИ ОБМАНЩИК

КОМЕДИЯ
В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ТАРТЮФУ», НАПИСАННОЕ МОЛЬЕРОМ

Вот комедия, которая наделала много шума, была долго под запретом. Люди, которые в ней выведены, показали, что во Франции они сильнее всех, кого я выводил до сих пор. Маркизы, жеманницы, рогоносцы, доктора — все они кротко претерпели свою участь, когда их выводили на сцену, делали вид, что их забавляет списанная с них картина. Но лицемеры не желали претерпеть насмешек; они сначала осердились и нашли странным, как мог я возыметь смелость вывести на сцену их ужимки и высмеять то, чему предается столь много добрых людей. Этого греха они не могли мне простить и ополчились скопом на мою комедию с ужащающею яростью. Они побоялись напасть на нее с той же стороны, с которой она их задела; они — хорошие политики и понимают жизнь достаточно хорошо, чтобы столь неосмотрительно вывернуть дно своей души. По своей похвальной манере они прикрыли свои интересы благочестием; из своего дела сделали Божье дело. «Тартюф», по их толкованию, оскорбляет благочестие; он с начала до конца наполнен гнусностями, и в нем нет строчки, которая не заслуживала бы костра. Все слоги и буквы в нем преступны; каждый взгляд, каждое движение головой, каждый шаг вправо или влево скрывают в себе тайны, которые оказывается возможным истолковать в мое обвинение.

Тщетно отдавал я свою комедию на рассмотрение моих друзей, на общую цензуру. Ни мои исправления, ни суждение короля и королевы, которые ее видели, ни одобрение принцев и министров, которые открыто почтили ее представление своим присутствием, ни свидетельства благонамеренных людей, находивших пьесу полезною, — все это ни к чему не послужило. Враги не хотят отступить. И теперь все еще они ежедневно заставляют кричать усерд-

ствующих не по разуму, которые осыпают меня с видом благочестия бранью и проклинаят из милосердия.

Я бы мало заботился о том, что они скажут, если бы они не ухитрились создать мне врагов в числе людей, которых я уважаю, и привлечь в свою клику истинно благонамеренных людей; они сумели воспользоваться их доверчивостью, а те, движимые пылом преданности к делам веры, всегда охотно поддаются впечатлениям. Вот что заставляет меня защищаться. Я хочу оправдать свою комедию в глазах истинно благочестивых людей и заклинаю их от всего сердца не осуждать прежде, чем они не увидят сами, отбросить всякое предубеждение и не служить орудием страсти тех, повадки которых бесчестят их.

Тот, кто возьмет на себя труд беспристрастно рассмотреть мою комедию, без сомнения, убедится, что мои намерения были вполне невинны, что пьеса вовсе не имеет в виду осмеяния того, что надлежит почитать, что я обработал ее со всею осторожностью, какой требовал такого рода сюжет, и что все мое искусство, все старание положил на то, чтобы отметить разницу между лицемером и искренно верующим. Я целых два акта посвятил на то только, чтобы подготовить появление моего злодея. Он ни одной минуты не обманывает зрителя; его сразу узнают по приданным ему мною признакам. От начала до конца он не говорит ни одного слова, не делает ни одного движения, которые не обличали бы перед зрителем дурного человека и не выделяли в то же время всего истинно благонамеренного, которого я ему противопоставляю.

Я знаю, — эти господа стараются доказать, что о подобных вещах неуместно рассуждать в театре. Но я прошу у них позволения спросить их: на чем они основывают эту блестящую мысль? Они изрекают это положение, но доказать его не могут. И нет ничего легче, как доказать им, что у древних комедия прямо и произошла от религии, входила в состав религиозных обрядов, что наши соседи, испанцы, ни одного праздника не справляют без театрального зрелища, что и у нас начало комедии положено религиозным братством, которому и по сей час принадлежит Бургундский отель, что здесь было отведено место для представления самых важных наших религиозных мистерий, что и теперь еще встречаются комедии, напечатанные готическим шрифтом, с именем Сорбоннского доктора, и, наконец, что незачем далеко ходить и достаточно указать на то, что в наше время играли пьесы Корнеля религиозного содержания, слушая которые умилялась вся Франция.

Если задача комедии вообще состоит в том, чтобы бичевать пороки, то я не вижу, с какой стати в ряду этих пороков допускать исключения. Порок лицемерия с государственной точки зрения представляется одним из самых опасных по своим последствиям. А мы знаем, что театр обладает способностью противодействия пороку. Чаще всего бывает так, что воздействия самой возвышенной морали оказываются менее действенными, чем сатира; ничем так не проймешь людей, как изображением их недостатков. Выставить пороки на всеобщее посмеяние — значит нанести им чувствительнейший удар; упреки выслушивают равнодушно, а насмешку не могут перенести. Дурным человек соглашается быть, но быть смешным не хочет.

Упрекают меня в том, что я в уста лицемера вложил слова благочестия. Да как же мне было обойти это, если я имел намерение верно представить тип лицемера? Достаточно было лишь указать на преступные побуждения, в силу которых он говорит то или иное; притом я все-таки избежал известных выражений, которые было бы тяжело слышать произносимыми с дурным намерением. Но, говорят мне, в четвертом действии он проповедует безнравственность. Но что же в этой морали такого, чего не слышали бы еще ничьи уши? Что нового по этой части сказано у меня в комедии? Все это вещи, которые каждым считаются предосудительными и не могли произвести впечатления на умы. Разве они стали опасными, когда я вывел их на сцену, или они приобрели значение, исходя из уст злодея? Ничего этого нет и не бывало, и надо или помириться с «Тартюфом», или осудить все комедии вообще. Над этим, впрочем, с некоторого времени изо всех сил работают: никогда еще озлобление против театра так не разнудывалось. Я знаю: среди Отцов Церкви были такие, что осуждали театральные зрелища; но были же между ними и более снисходительные, — этого тоже нельзя отрицать. Таким образом, это разделение мнений уничтожает ссылку на церковные авторитеты. Ясно, что точки зрения их на комедию были различны, несмотря на полную одинаковость взглядов на основные вопросы веры и нравственности; быть может, осуждавшие театр имели в виду всякие зрелища вообще; а между ними могли быть, конечно, неоспоримо безнравственные: восставая против последних, захватили вместе с ними и невинные театральные зрелища.

И в самом деле, если рассуждать не о словах, а о фактах и притом принять в расчет, что бо́льшая часть противоречий остается

невьясненной, что в одном слове замыкаются противоположные понятия, то достаточно снять завесу двусмысленности и рассмотреть комедию прямо, какова она есть, чтобы видеть, достойна ли она осуждения. Нельзя не признать, что комедия не что иное, как остроумная поэма, которая в приятных поучениях упрекает людей за их недостатки; в таком виде подвергать ее запрету было бы несправедливостью. Если мы пожелаем услышать по этому вопросу свидетельства древности, то она поведает нам, что самые знаменитые философы воздавали похвалы комедии; а это были люди, проникнутые суровою мудростью, враги пороков своего времени, против которых они ополчались. Аристотель посвящал свои досуги театру и приложил свой труд к преподаванию искусства сочинять комедии. Древность поучает нас, что величайшие из людей, первые между ними по своему положению, считали для себя честью сочинять комедии; что иные из них не считали для себя унижением читать свои произведения перед публикой; что Греция глубоко ценила эти произведения и засвидетельствовала о своем уважении к ним почетными наградами и роскошными театрами, которые воздвигали для исполнения драматических произведений; что и в Риме театральное искусство пользовалось такими же почестями, — я не говорю про развратный Рим времен императоров, а про Рим времен мудрых консулов и расцвета классических добродетелей.

Признаюсь, были времена, когда комедия подверглась порче. Но что же в нашем мире не подвержено порче ежедневно? Нет такой невиннейшей вещи, в которую человек не сумел бы внести своей преступности; нет такого здравого искусства, благие намерения которого он не сумел бы уничтожить; нет, словом, ничего доброго самого по себе, чего он не смог бы превратить в дурное. Медицина — искусство полезное, каждый считает ее одной из прекраснейших ценностей, имеющихся в нашем обладании. Но были времена, когда она становилась гнусной для всех и нередко ее сводили на искусство отравлять людей. Философия — истинный дар небес; она дана нам для того, чтобы вознести наши умы до Богопознания, до созерцания чудес природы, однако же, как известно, ее нередко отвращали от такого ее назначения и открыто пользовались ею как орудием неверия. Священнейшие вещи и те не укрыты от развращающего влияния человека. Мы ежедневно видим злодеев, злоупотребляющих благочестием и обращающих его на величайшие преступления. Но все это не препятствует делать раз-

личия. Благодать вещей, которые подвергаются извращению, нельзя замыкать в один круг с злою волею извратителей. Злоупотребление надо отличать от благих намерений искусства. Если никто не запрещает медицины только потому, что ее когда-то изгнали из Рима, и философии, когда-то публично осужденной в Афинах, то и не надо также желать запрещения комедии за то, что на нее иногда падало запрещение. Тогда запрещение имело свои причины, которые вслед за тем исчезли. Это запрещение замыкалось в известные границы, и мы не должны выводить его из этих границ, не должны требовать от него лишнего, предписывать, чтобы оно поражало невинное вместе с преступным. Комедия, которую цензура раньше не одобряла, вовсе не та же, которую мы теперь защищаем; надо остерегаться смешивать одну с другой; это две особы совершенно противоположных нравов. Они походят одна на другую лишь по имени. Было бы ужасающе несправедливостью осуждать г-жу Олимпию, совершенно порядочную даму, потому только, что имеется другая дама — дурного поведения и тоже Олимпия. Подобные приговоры породили бы страшный беспорядок. Тогда не было бы ничего неосудимого. И если такой неразумной строгости не применяют ни к чему другому, то почему же не смиловаться над театральными пьесами, в которых царят благонравие и добропорядочность?

Я знаю, что есть такие умы, которые по своей щепетильности не переносят никакой комедии; они утверждают, что лучшие комедии в то же время самые опасные; что страсти, которые в них изображаются, тем более производят впечатление, чем более они исполнены добродетели, и что такого сорта зрелища волнуют душу. Не знаю, какое преступление в том, что душа размягчается зрелищем честной страсти? Зачем хотят поднять нашу душу в какой-то верхний этаж добродетели, где она утратит способность чувствовать? Сомневаюсь, чтобы такое высшее совершенство было в пределах сил человеческих. Не лучше ли трудиться над смягчением и очищением страстей, чем над полным их уничтожением?! Правда, есть места, которые можно посещать, и получше театра. Конечно, если начать порицать все, что непосредственно не касается спасения душ наших, то и комедия попадет под запрет; тогда пусть и она будет осуждена, как и все остальное. Но если предположить, что между упражнениями в благочестии могут быть допущены перерывы и что людям простительны развлечения, то я утверждаю, что среди них нет ни одного невиннее театра. Однако

я слишком распространился. Закончу словом, сказанным великим принцем о комедии «Тартюф».

Через неделю после запрещения «Тартюфа» была представлена в присутствии двора пьеса, озаглавленная «Скарамуш-отшельник». Король, выходя из театра, сказал принцу: «Хотел бы я знать, почему люди, которых так возмущает комедия Мольера, ни слова не говорят о „Скарамуше“?..» Принц ответил на это: «Причина в том, что Скарамуш осмеивает Небо и религию — вещи, до которых этим господам дела нет, а Мольер осмеял их самих; этого они не могут простить».

ПЕРВОЕ ПРОШЕНИЕ (PLACET),

*поданное королю по поводу комедии «Тартюф»,
которая еще не была представлена публично*

Ваше Величество!

Так как обязанность комедии состоит в том, чтобы исправлять людей, забавляя их, то я и полагал, что в занимаемой мною должности мне не остается ничего иного делать, как нападать на пороки моего времени, изображая их в смешном виде. А так как лицемерие является, несомненно, одним из наиболее распространенных, наиболее предосудительных и наиболее опасных пороков, то я и пришел к мысли, что я мог бы оказать немалую услугу всем честным людям Вашего королевства, сочинив комедию, в которой были бы осмеяны лицемеры и выставлены в должном виде все замеченные ужимки этих благонамеренных до крайности людей, все скрытые плутни этих фальшивых монетчиков благочестия, обманывающих свою притворную набожность и поддельным милосердием.

Ваше Величество, я сочинил эту комедию, как мне думается, со всею заботливостью и осмотрительностью, каких только могла требовать щекотливость предмета. Для того же, чтобы возможно лучше поставить на вид то почтение и уважение, с каким надлежит относиться к людям истинно благочестивым, я постарался как можно резче отличить от них изображаемый мною тип. Не допуская никаких двусмысленностей, я исключил все, что могло бы повести к смешению хорошего с дурным, и в своем изображении пользовался только яркими красками и существенными чертами, по которым сразу узнается настоящий, подлинный лицемер.

Однако все мои предосторожности оказались тщетными. Нашлись люди, которые воспользовались душевной деликатностью Вашего Величества в отношении к религиозным вопросам и сумели повлиять на единственное Ваше чувство, доступное влиянию, — на Ваше уважение к священным предметам. Тартюфам ловко удалось снискать расположение Вашего Величества, — и оригиналы добились запрещения копии, хотя и невинной, и невзирая на то, что ее признавали похожею на действительность.

Запрещение этого сочинения было для меня чувствительным ударом, однако мое несчастье было смягчено объяснением Вашего Величества по этому предмету; и я полагал, что Вы устранили для меня всякую возможность жаловаться, благосклонно заявив, что Вы не находите ничего преступного в этой комедии, хотя публичное ее представление и было Вами запрещено.

Но, невзирая на это славное заявление величайшего и просвещеннейшего государя в мире, невзирая также на одобрение господина легата и значительного большинства наших прелатов, которые все, выслушав мое сочинение, читанное мною частным образом, вполне соглашались с мнением Вашего Величества, — невзирая на все это, говорю я, появилась книга, сочиненная священником ***, который высокомерно выступает против всех этих высоких свидетельств. Что бы ни было высказано Вашим Величеством и каково бы ни было мнение господина легата и господ прелатов, моя комедия, по словам автора, ее не издававшего, есть произведение дьявольское, как и мой ум; я — воплощенный дьявол в человеческом образе, развратник, нечестивец, достойный примерной казни; недостаточно было бы публично предать мою оскорбительную комедию сожжению: это было бы для меня слишком легким наказанием. Человеколюбивая ревность этого любезного человека на этом не останавливается; он решительно не желает, чтобы я воспользовался милосердием Божиим, и решительно хочет, чтобы я был предан проклятию; это, в его глазах, — дело решенное.

Эта книга, Государь, была представлена Вашему Величеству, и Вы, без сомнения, сами понимаете, насколько мне неприятно ежедневно подвергаться ругательствам этих господ, какое зло причинят мне в обществе подобные клеветы, если их найдут нужным терпеть, и насколько я заинтересован в том, чтобы очиститься от этих нареканий и показать публике, что моя комедия вовсе не такова, какой ее хотят выставить. Я не стану, Государь, говорить о том, чего я желал бы просить ради моего доброго имени и ради

оправдания перед всеми моего невинного сочинения: государи столь просвещенные, как Ваше Величество, не имеют нужды в объяснениях наших желаний; они, подобно Богу, сами видят, что нам нужно, и лучше нас знают, что для нас следует сделать. Мне достаточно передать свои интересы на благоусмотрение Вашего Величества и почтительно ожидать приказаний, какие Вам угодно будет по этому предмету сделать.

ВТОРОЕ ПРОШЕНИЕ,

*поданное королю в лагере под городом Лиллем во Фландрии,
через гг. Ла Турильера и Лагранжа,
комедиантов Его Величества и товарищей г. Мольера,
по поводу последовавшего 6 августа 1667 г.
запрещения представлять «Тартюфа»
впредь до дальнейших распоряжений Его Величества*

Ваше Величество!

С моей стороны очень дерзко беспокоить великого монарха среди его славных завоеваний; но в том положении, в каком я теперь нахожусь, где же, Государь, могу я найти покровительство, если не там, где ищу его? И к кому же могу я обратиться с жалобой на силу и власть, меня удручающую, если не к источнику силы и власти, справедливому подателю неотменимых приказов, верховному судье и властителю над всем?

Моя комедия, Государь, не могла воспользоваться здесь благосклонностью Вашего Величества. Напрасно я поставил ее на сцене под заглавием «Обманщик» и замаскировал главное действующее лицо в костюм светского человека; я дал ему маленькую шляпу, большой парик, широкий воротник, шпагу, обшил кружевами все его платье, ввел во многих местах смягчающие поправки и заботливо устранил все, что, по моему мнению, могло бы послужить для знаменитых оригиналов задуманного мною портрета хотя бы тенью предлога к нападкам; но все это ни к чему не привело. Вражда пробудилась от одних только догадок о возможностях. Нашлись средства подействовать на таких людей, которые во всех других отношениях громко заявляют о своей недоступности какому бы то ни было воздействию. Моя комедия только что успела появиться, как на нее уже грянул удар власти, внушающей уважение; и все, что я мог сделать при таких обстоятельствах, чтобы спасти самого себя от разразившейся грозы, заключалось в заявле-

нии о том, что Ваше Величество благосклонно разрешили мне представлять эту комедию и что засим я уже не видел необходимости испрашивать разрешение у кого-либо другого, так как и запрещение комедии исходило только от Вашего Величества.

Я нисколько не сомневаюсь, Государь, что люди, которых я изображаю в своей комедии, прибегнут ко всем способам, чтобы подействовать на Ваше Величество, и привлекут на свою сторону, как это ими уже и делалось, людей истинно благонамеренных, которые тем легче поддаются обману, что привыкли судить о других по себе. Враги мои искусно умеют придавать хороший вид всем своим намерениям. Но, какой бы вид они на себя ни принимали, они, конечно, руководятся вовсе не интересами религии: это они достаточно доказали своим отношением к комедиям, которые они столько раз и без малейших возражений допускали к публичному представлению. Ведь те комедии нападали только на набожность и на религию, о которых эти господа очень мало заботятся; моя же комедия представляет и осмеивает их самих, — и этого они не могут допустить. Они ни за что не простят мне, что я перед всеми разоблачаю их обманы, и, без сомнения, не преминут донести Вашему Величеству, что моя комедия всех оскорбляет. Но подлинная правда, Государь, заключается в том, что весь Париж оскорблен запрещением этой комедии, что самые мнительные люди находили ее представление полезным и что все удивились, каким образом люди, столь известные своей честностью, могли отнестись так снисходительно к людям, которые должны были бы всем внушать ужас и которые на самом деле представляют полную противоположность принимаемому ими на себя виду благочестия.

Почтительно ожидаю распоряжения, какое Вашему Величеству благоугодно будет сделать по этому предмету. Но я вполне убежден, Государь, в том, что мне нечего больше и думать о сочинении комедий, если тартюфы будут находиться в выгодном положении и благодаря этому присвоят себе право преследовать меня сильнее, чем когда-либо, и станут придираться к самым невинным вещам, какие могут выйти из-под моего пера.

Благоволите, Государь, удостоить меня покровительства против их бешеной ярости! О, если бы я мог по возвращении Вашего Величества из столь славного похода доставить Вам развлечение после забот, невинное удовольствие после столь благородных трудов и вызвать улыбку монарха, заставившего трепетать всю Европу!

МОЛЬЕР

ТРЕТЬЕ ПРОШЕНИЕ,

поданное королю 5 февраля 1669 года

Ваше Величество!

Один очень честный врач, пациентом которого я имею честь быть, обещает мне и хочет принять на себя нотариальное обязательство продлить мою жизнь еще на тридцать лет, если я исходатайствую ему у Вашего Величества одну милость. В ответ на его обещание я ему сказал, что я так много не требую и что я буду вполне удовлетворен, если он только обяжется не убивать меня. Милость же, о которой он просит Ваше Величество, это — должность каноника при Вашей королевской капелле в Венсенне, освободившаяся за смертью г. *** ...

Смею ли просить Ваше Величество еще и об этой милости в день великого воскресения Тартюфа, возвращенного к жизни Вашей благостью? Эта первая милость примирила меня с ханжами, а вторая примирила бы меня с врачами. Без сомнения, для меня было бы слишком много получить сразу столько милостей; но, может быть, это не слишком много для Вашего Величества, — и я с почтительной надеждой ожидаю ответа на мое прошение.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Г-жа Пернель.

Оргон — ее сын.

Эльмира — его жена.

Дамис }
Марианна } дети Оргона.

Клеант — брат Эльмиры.

Валер — жених Марианны.

Тартюф.

Дорина — горничная Марианны.

Флипота — служанка г-жи Пернель.

Лоайаль — судебный пристав.

Полицейские.

Действие происходит в Париже,
в доме Оргона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-жа Пернель, Эльмира, Дамис, Марианна,
Клеант, Дорина, Флипота.

Г-жа Пернель (*Флипоте*)

А ну-ка двигайся! Подальше от греха...

Эльмира

Позвольте, матушка... Я, право, задыхаюсь.

Мне не поспеть...

Г-жа Пернель

Э, милая сноха!

Я не прошу и не нуждаюсь...

Эльмира

Мне очень жаль!.. Я просто не пойму,

К чему вы так торопитесь...

Г-жа Пернель

К чему?!

Нет сил моих! Мне тяготно и больно

Все это видеть! Да, как мать,

Я вправе, я обязана сказать:

Я очень, очень недовольна...

Помилуйте, что это за семья?!

Ни в ком ни страха, ни почтения...

ТАРТЮФ, ИЛИ ОБМАНЩИК

У всякого свои и взгляды, и сужденья...

Скажите мне: где очутилась я?

На рынке, в таборе цыганском?!

Не знаю... но никак не в доме христианском...

Дорина

А я...

Г-жа Пернель

А ты служанка, мой дружок,

В наш разговор тебе мешаться не пристало!

Не в меру длинен язычок,

И вообще, я вижу, мало

С тебя здесь взыскивают...

Дамис

Но...

Г-жа Пернель

Да ты дурак!.. Известно всем давно,

Что от тебя отцу не утешенье,

А только стыд и огорченье!

Запомни навсегда, уж это решено...

Марианна

Я думаю...

Г-жа Пернель

Вот суцая овечка!

Вот истинно невинная душа!

Бойтся невпопад произнести словечко...

Но в тихом омуте — ты это знаешь, а?!.

Эльмира

Однако, матушка...

Г-жа Пернель

Сказать вам без утайки —

Уж там сердитесь или нет, —

Но мачехе, супруге и хозяйке

Так легкомысленно вести себя не след!

Чем без ума на тряпки разоряться,

Пример бы подали другим

Благоразумием своим:

Чтоб мужу нравиться, нет нужды наряжаться...

Мольер

М 76 Мещанин во дворянстве. Комедии : пьесы / Мольер ; пер. с фр. П. Гнедича, В. Лихачева, В. Острогорского, Т. Щепкиной-Куперник. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 608 с. : ил. + вкл. (8 с.). — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-24815-1

Со дня рождения Жана Батиста Поклена (1622–1673), известного всему миру под именем Мольер, минули четыре века, но и в наши дни его пьесы не сходят с театральных подмостков и издаются огромными тиражами. Давно причисленные к шедеврам европейской литературы, сочинения Мольера и спустя столетия очаровывают искрометным юмором, психологической глубиной характеров и мастерской точностью наблюдений, отразившейся в образах его знаменитых персонажей-типов — обманщика Тартюфа, мещанина во дворянстве Журдена, скупого Гарпагона... Всего Мольер написал более тридцати пьес, они были высоко оценены при жизни мэтра, завоевав ему покровительство «короля-солнце» Людовика XIV, и оказали колоссальное влияние на всю последующую европейскую драматургию.

В настоящее издание вошли самые прославленные пьесы Мольера: «Тартюф, или Обманщик», «Дон Жуан, или Каменное пиршество», «Мизантроп», «Лекарь поневоле», «Скупой», «Мещанин во дворянстве», «Проделки Скапена», «Мнимый больной», публикуемые в сопровождении иллюстраций известного книжного графика Григория Георгиевича Филипповского (1909–1987).

«Так велик, что, перечитывая его, всякий раз только диву даешься. Он единственный в своем роде, его пьесы граничат с трагическим и полнотью захватывают тебя, ему никто не осмеливается подражать... Я всякий год читаю несколько пьес Мольера... Мы, маленькие люди, не в силах долго хранить в себе величие подобных творений и потому обязаны иногда возвращаться к ним, дабы освежить впечатление» (И. В. Гёте).

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

МОЛЬЕР
МЕЩАНИН ВО ДВОРЯНСТВЕ
•
КОМЕДИИ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова,
Валерия Макарова
Корректоры Светлана Федорова, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 09.07.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 37,73 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-33797-01-R